

ФІЛОСОФІЯ

doi:10.15421/171690

УДК 165

Самопознание в процессе интерпретации философских текстов

А.В. КУЛИК

Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара,
Днепр, Украина

Авторское резюме

В исследовании предлагается рассмотреть практику чтения философского текста в качестве источника исследовательского материала для самопознания. Аргументировано, что чтение может выступать стимулом и одним из механизмов наделения имплицитно присутствующих, но не артикулированных мыслей читателя словесной формой. Обосновывается, что специфика, присущая философской литературе, а именно – ее содержание и способы организации материала, обуславливает эффективность этого процесса. Описана теоретическая модель интерпретации одной из возможных разновидностей процесса работы с философским текстом: читатель артикулирует свои собственные идеи, подбирая к ним словесные формы из читаемых книг. Утверждается, что использование указанной теоретической модели при осмыслении процесса чтения текстов открывает значительные возможности для практики философского самопознания. В ходе анализа теорий Ф. Шлейермахера, Х.-Г. Гадамера и М. Хайдеггера приведены обоснования тезиса, что в ходе самопознания интерпретатор способен достичь существенных успехов в силу того, что он способен учитывать значительное количество факторов, которые оказали влияние на формирование той или иной идеи, а также учитывать контекст их формирования.

Ключевые слова: герменевтика; эпистемология; философия; познание

Self-knowledge in the process of interpreting philosophical texts

A.V. KULIK

Oles Honchar Dnipropetrovsk national university,
Dnipro, Ukraine

Abstract

Modern philosophical researches pay attention to various aspects of self-knowledge investigation. For instance, there are works on historical concepts of self-knowledge (e.g. ones by C. Moore), or articles about the place of self-knowledge in the phenomenon of rationality (e.g. ones by J. Roessler), or articles about epistemological lacks of self-knowledge (e.g. ones by J. Fernández). However, our paper is about the aspect that is not in the researchers' centre of attention. Our study shows that practicing of book reading can be a source of information not only about the content of the books, but also about their readers. We investigate a phenomenon of incompatible interpretations, Ludwig Wittgenstein's ideas about understanding his texts, Merab Mamardashvili's concept of 'novel as a machine', Ludwig Feuerbach's theory of specifics of human cognition, and Philosophical Hermeneutics thinkers' concepts about problems of understanding. The purpose of our paper is to describe possibilities of getting self-knowledge by analyzing the information about the results of philosophical texts reading. The research holds that these results give information about the content of the text as well as a reader's ideas. A reader can use word forms from the texts to express his own implicit thoughts. Philosophical texts are the most effective tool for doing that because their content and ways of text organization stimulate such an activity. We illustrate these statements by examples from history of philosophy. For instance, we investigate the creation of the theory on the genealogy of morality by Friedrich Nietzsche. Analyzing phrases, which were important for him in the text, a person can estimate his own ideas. If one uses this theoretical model for getting self-knowledge he takes a new source of information about his own implicit ideas. The interpretation of this information will be effective. As a result of analyzing of Friedrich Schleiermacher, Hans-Georg Gadamer and Martin Heidegger's theories we state that the interpretation of somebody's own ideas does not make big problems with taking into account factors that have influenced the process of thoughts formation and context of creating ideas. We show how this approach to interpretation of reading philosophical text diverges from the other ones. Moreover, we argue that there is a relation of our theoretical model to Socratic maieutics, although we describe differences between them too.

Keywords: Hermeneutics; epistemology; philosophy; cognition

Самопізнання у процесі інтерпретації філософських текстів

О.В. КУЛИК

Дніпропетровський національний університет ім. Олеся Гончара,
Дніпро, Україна

Авторське резюме

У дослідженні запропоновано розглянути практику читання філософського тексту в якості джерела дослідницького матеріалу для самопізнання. Аргументовано, що читання може виступати стимулом і одним з механізмів наділення імпліцитно присутніх, але не артикульованих думок читача словесною формою. Обґрунтовано, що специфіка, яка притаманна філософській літературі, а саме її зміст та способи організації матеріалу, обумовлює ефективність цього процесу. Описано теоретичну модель інтерпретації одного з можливих різновидів процесу роботи з філософським текстом: читач артикулює свої власні ідеї, підбираючи до них словесні форми з текстів, які він читає. Стверджується, що використання вказаної теоретичної моделі при осмисленні процесу читання текстів відкриває значні можливості для практики філософського самопізнання. В процесі аналізу теорій Ф. Шляермахера, Г.-Г. Гадамера, та М. Гайдеггера наведені обґрунтування тези, що в процесі самопізнання інтерпретатор здатен досягти суттєвих успіхів в силу того, що він здатен врахувати значну кількість факторів, які спричинили вплив на формування тієї чи іншої ідеї, а також усвідомити контекст формування даних ідей.

Ключові слова: герменевтика; епістемологія; філософія; пізнання

Постановка проблеми. Нам представляється важкою задачею розуміння того, якого роду діяльність здійснює людина, коли вона читає філософський текст. Є дві основні позиції по цьому питанню. Одні автори вважають, що читач філософського тексту є реципієнтом змісту, який міститься в даному тексті, інші ж вважають, що читач стає свого роду співтворцем змісту, який міститься в чужому тексті. В центрі розгляду знаходяться саме філософський текст. Ми ж пропонуємо змістити оптику розгляду ситуації інтерпретації тексту, звернувши увагу на самого інтерпретатора. Ми пропонуємо поглянути на інтерпретацію філософського тексту в разі можливостей самопізнання, які відкриваються в ході вивчення читачем філософської літератури.

Аналіз досліджень і публікацій. В сучасному філософському дискусії тема самопізнання піднімається багатьма авторами. В частині, ряд дослідників продовжують традицію розгляду проблеми самопізнання в ключі класических для філософії тезисів і персон. Наприклад, Кристофер Мур в 2015 році опублікував фундаментальне дослідження, присвячене ідеї самопізнання в контексті філософії Сократа і класического філософського концепта «Познай самого себе» [10]. Інші дослідники, наприклад Дж. Ройслер, розглядають «самопізнання» в контексті проблеми раціональності [11]. Треті, наприклад Дж. Фернандес, вивчають гносеологічні недоліки, якими характеризується процес самопізнання [9]. Однак, наскільки нам відомо, все ще залишається мало дослідженим той аспект теми самопізнання, який був висунутий нами в заголовку статті.

Ціль дослідження. В нашій невеличкій

роботі ми плануємо проаналізувати практику читання філософського тексту в якості можливого джерела дослідницького матеріалу для самопізнання.

Изложение основного материала. Людвиг Витгенштейн починає свій «Логико-філософський трактат» такими словами: «Цю книгу, можливо, зрозуміє лише той, кому однажды вже приходили думки, виражені в ній, або хоча б схожі думки» [12, с. 27]. Традиційно вважається, що книга дозволяє нам дізнатися щось нове. А в цій цитаті Витгенштейна мова йде про те, що книга буде зрозуміла лише тим, хто і так знає її зміст. Так чому ж нам читати книгу іншого людини, якщо ми знаємо те, що в ній написано ще до того, як ми її відкриємо? Якою саме інформацією є книга? Інформацією про те, що є зовнішнім для людини, або про те, що є внутрішнім для неї? Розгляд цих питань затримує цілий ряд важливих епістемологічних проблем, яким присвячено дане дослідження.

Давайте представимо ситуацію, коли людина, читаючи якусь книгу, вигукне в ході читання: «яка удача фраза!», «як точно все автор описав!». Що відбувається в цей момент? Читач бачить фрази, які відповідають його уявленням про те, що саме слід говорити про те або інше предмет. Він радіє зустріти фрази, які виражають те, що він хоче, щоб було виражено. Читачі нерідко заносять прочитані в книгах фрази в спеціальну книжечку, щоб потім приводити їх в підтвердження своїх слів в дискусії або навіть висунути в епіграф уже свого дослідження.

Розглядати цю ситуацію можна різними способами. Гносеологічний оптиміст

будет утверждать, что в данном конкретном случае действительно два человека думали об одном и том же. Довольно много теорий, например герменевтика Фридриха Шлейермахера [7], могут предложить объяснение тому, что один человек может думать о том же, о чем думает другой человек. В отличие от гносеологического оптимиста скептик может счесть, что тут речь идет о том, что читатель принимает кажущееся за действительное, приписывая автору книги те мысли, которые он сам вынашивал по данному поводу. Наше небольшое исследование рассматривает прежде всего скептическую версию.

Очевидно, что любую фразу можно истолковать по-разному. Не раз мы были свидетелями того, что одни и те же слова какого-нибудь автора приводят в подтверждение прямо противоположных мнений. И совсем необязательно этот факт свидетельствует о некоем злом умысле интерпретаторов. Обычно сторонники взаимоисключающих толкований одних и тех же фраз совершенно искренни. Они действительно полагают, что их интерпретация верна и единственно правильна.

Такого рода практика взаимоисключающей интерпретации рассматривается теоретиками прежде всего в разрезе возможностей ее преодоления. Однако, немало мыслителей обращали внимание также и на то, что ошибочная интерпретация может оказаться в некотором смысле небесполезной. Например, она способна сообщить важную информацию о самом интерпретаторе. Это старая мысль, ее не раз в истории философии высказывали в разных контекстах.

Действительно, ведь та или иная интерпретация сообщает не только нечто об интерпретируемом тексте, но и об интерпретаторе. Л. Фейербах в «Сущности христианства» пишет, что какой бы объект мы не познавали, мы познаем в нем нашу собственную сущность [5, с. 15]. Дальше он уточняет, говоря: что бы мы не совершали, в этом мы проявляем именно себя. Это вполне очевидно, и не требует каких-либо объяснений. Кого же мы еще можем проявлять, кроме себя? Да, мы познаем внешний мир, но в ходе этого познания, в частности, неизбежен антропоморфизм – мы готовы увидеть человеческие чувства у природы, предполагая, что у нее можно обнаружить некое целеполагание, сочувствие и т.п.

Нельзя игнорировать специфическую оптику человеческого познания. Мы познаем лишь то, что способны и хотим познавать, и результаты познания чего мы готовы признать. И первое, и второе, и третье вносит существенные коррективы в процесс познания. Чего будет больше в полученных результатах познания: нас или объективной реальности? Это важный вопрос в теории познания.

Можно ли «вычесть» себя из процесса по-

знания? Учесть все погрешности, вносимые своей личностью в процесс познания, и как-то уравновесить их, предприняв многочисленные и изощренные контрмеры? Конечно, интерпретатор способен достичь некоторых успехов в состязании с субъективизмом. Однако, нам представляется, что такого рода задача может быть выполнена лишь в той или иной степени, а не полностью и с ощущением, что достигнут абсолютный успех.

Давайте вернемся к рассмотрению практики чтения. Было бы наивно оценивать ее исключительно в качестве процесса пассивного восприятия смыслов. Чтение подразумевает со-творчество читателя и писателя. М. Мамардашвили в своих лекциях о М. Прусте и его романе «В поисках утраченного времени» говорил о «машинах производства смысла», имея в виду, что сама форма романа выступает своеобразной «машиной» сознания, которая позволяет читателю попробовать разобраться в собственных чувствах и переживаниях [3]. Факты определенной психической реальности, которые мы соотносим с отдельной сценой романа, являются нашим переживанием, а не переживанием автора, ведь его-то мы не способны воспроизвести. Возможно, в меньшей степени, чем в случае с романом, подобное происходит и с другими литературными жанрами.

Мы полагаем, что схожие процессы имеют место при чтении отнюдь не только художественной литературы. Возьмем, к примеру, то или иное знаменитое философское произведение, которое представители разных философских школ трактуют совершенно по-разному – выделяя в них что-то одно, обходя вниманием что-то другое, добавляя туда много того, что их коллеги из противоположных философских лагерей сочтут абсолютно не относящимся к делу. При этом, конечно, каждый из интерпретаторов будет утверждать, что он прочел в данной книге именно то, что имел в виду ее автор. Очевидно, что каждый из интерпретаторов прочтет в данной книге одни и те же слова, но сочтет важным лишь то, что он и так уже считал важным до того, как открыл эту книгу. Интерпретатор процитирует свои собственные мысли, используя для этого те или иные слова автора прочитанной им книги как элементы конструктора.

У филологов есть термин «самоцитация». Они используют его применительно к тому автору, который размещает в своих текстах автоаллюзии, то есть отсылки к его собственному творчеству [1]. Но в контексте нашего исследования мы бы использовали этот термин для описания практики интерпретации текста читателем. Читатель, предоставляя тот или иной вариант интерпретации книги, неизбежно и обыкновенно неосознанно отсылает нас к своим собственным мыслям. Интерпретация напрямую отсылает к мыслям интерпретатора и

имеет лишь косвенное отношение к мыслям, которые носил в себе автор интерпретируемого текста. И поэтому для интерпретаторов лучший писатель – это мертвый писатель, поскольку он не возразит в ответ на произвол интерпретации.

Читая увлекающие нас книги, мы стимулируем наши собственные размышления о том, что для нас важно. Книга – это не только повод для собственных размышлений, но и один из механизмов, посредством которых мы можем эти размышления осуществлять. Причем совсем необязательно, чтобы мы были довольны тем, что видим в читаемой нами книге. Она может стать средством артикуляции мыслей читателя даже в том случае, если читатель абсолютно не согласен с тем, что в ней написано. Тут главное – позволить читателю увидеть в интерпретируемой им книге что-то, что важно для него, что вызывает у него отклик.

В качестве примера можно привести Ф. Ницше и книгу Пауля Рэ «Происхождение моральных чувств». Описывая, как он смог артикулировать свою теорию генеалогии морали, Фридрих Ницше подчеркивал важную роль, которую сыграла в этом книга П. Рэ. И это при этом, что Ницше был не согласен практически со всем, что было написано в книге Рэ. Читая книгу Пауля Рэ, Ницше, как он пишет, «заменил неправдоподобное более правдоподобным», что позволило ему «впервые извлечь из-под спуда те гипотезы происхождения, которым посвящены эти рассуждения» [4, с. 410].

В случае с Ницше мы можем говорить о практике осознанной артикуляции собственных мыслей в результате интерпретации чужого текста. Однако, не то же ли самое происходит неосознанно, когда читатель выражает согласие с интерпретируемым текстом? Возможно, что мы, читая книгу, называем правильными, поразительными, глубокими мыслями автора книги то, что на самом деле хранится в нас, как писал Ф. Ницше, «под спудом». И чтение книг позволяет нам извлечь эти мысли, выразить их. Возможно ли, что книги не формируют взгляды человека, а помогают ему выяснить его собственные взгляды, перевести имплицитное в артикулированное? Мы полагаем, что, конечно, нельзя таким образом характеризовать все случаи, однако следует допустить существование возможности данной практики.

Человеческое мышление устроено таким образом, что оно нуждается во внешних поводах, стимулах, диалоге. Даже если диалог этот мнимый и осуществляется со своими собственными отражениями. Процесс чтения может выступать в качестве артикуляции внутреннего, в качестве средства надления невысказанных мыслей словесной формой.

Философская литература в силу своей специфики открывает особенно широкие воз-

можности для такого рода практики. Ее содержание, равно как и способ организации материала – все это, безусловно, стимулирует процесс артикуляции собственных мыслей читателя. Можно было бы исследовать, какая форма подачи философского материала – диалог, трактат, афоризмы, эссе и т.д. – более подходит для данной задачи, однако мы полагаем, что относительно всех существующих философских жанров можно утверждать, что они подходят (в той или иной степени) для этой роли.

Есть такое выражение – «слово вертится на языке». Эта фраза используется для обозначения всем знакомой ситуации, когда мысль еще не высказана, но мы уже ощущаем, о чем она. Что происходит, когда «слово вертится на языке»? Мы подбираем словесную форму, которая подходит для данной мысли. Мы как бы примериваем различные слова на данную невысказанную мысль. Мы можем полностью сами справиться с этой задачей, а можем воспользоваться подсказкой – выбрав из тех слов, которые нам подсказывают собеседники. Читаемые нами книги предлагают целые пласты слов для выражения тающихся в нас, но все еще невысказанных, не продуманных мыслей. Читатель осознанно или же нет может выбирать из предложенных слов то, что «подходит» его мыслям, если таковые имеются, конечно.

Итак, процесс чтения, по нашему мнению, может быть процессом, в котором происходит надление чужой словесной формой своих до того невысказанных мыслей читателя. Невыраженные мысли идентифицируются с выраженными словами. Открывая в книгах разных писателей свои собственные мысли, читатель артикулирует то, что он считает важным для себя. Это можно было бы назвать разновидностью майевтики. Безусловно, нельзя использовать в данном отношении термин «майевтика» полностью в сократовском смысле, со всеми соответствующими отсылками к специфике античной философии. Однако, нам кажется очевидным, что в процессе рождения мыслей, книги могут осуществлять функцию родовспоможения.

Отметим, что описываемая нами разновидность работы с философским текстом включает в себя два этапа. Во-первых, читатель артикулирует свои собственные мысли, подбирая к ним словесные формы из читаемых философских текстов. А затем, во-вторых, он интерпретирует артикулированные им мысли уже в качестве высказываний, наделенных авторитетом автора интерпретируемого текста, чем стимулирует дальнейшую свою деятельность по поиску и артикуляции идей.

Обычно практика чтения анализируется в философском плане для установления мыслей автора текста. Разобраться в том, что автор текста имеет в виду, – непростая задача. В частности, очевидно, что любой текст следу-

ет понимать в контексте горизонта жизни его автора, поскольку то, что написано автором в его книге, является обусловленным многими жизненными моментами. Ф. Шлейермахер считал, что поскольку у нас нет непосредственного знания о том, что у автора текста «происходило в душе» при написании текста, нам необходимо попытаться учесть все, что автор осознавал в тот момент и даже многое из того, чего он не осознавал, но что оказывало на него влияние [7]. Не бывает автора текста, который был бы обусловлен ничем. Любой человек включен в определенную традицию, социальные, исторические и прочие условия, которые, конечно же, оказывают важное влияние на то, что он пишет, на то, что он хочет написать и на то, что он имеет в виду под написанным. Американский исследователь Томас К. Карр абсолютно справедливо утверждает, что «при герменевтическом анализе феномен осознания человеческой фактичности становится центром философского интереса» [8, с. 30]. Таким образом, задание понимания того, что имел в виду автор текста, состоит прежде всего в том, чтобы воспринять текст в качестве момента конкретной жизни его автора, со всеми важными ее подробностями и спецификой. Но ведь это чрезвычайно сложное или вовсе невозможное задание для читателя. Не случайно признанные авторитеты в философской теории понимания, такие как Х.-Г. Гадамер, были вынуждены признать, что действительный смысл текста никогда не может быть исчерпан до конца – приближение к нему является бесконечным процессом [2]. В процессе интерпретации неизбежны разночтения. Как писал М. Хайдеггер, «настоящее пояснение никогда не понимает текст лучше автора, но только понимает его иначе» [6, с. 14].

Однако указанные методологические проблемы отнюдь не столь сложны и непреодолимы, если мы при анализе процесса чтения текста будем пытаться установить не то, что именно имел в виду автор читаемого текста, а то, что именно имеем в виду мы сами, когда читаем тот или иной текст. Тогда методологические трудности, о которых говорят Ф. Шлейермахер, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер

и другие философы, занимающиеся проблемой понимания, будут уже не столь непреодолимы. Тут не будет столь острой проблемы различающихся горизонтов понимания – ведь и познающий, и познаваемый в нашем случае найдутся в одном и том же горизонте понимания. Тут гораздо дальше можно будет продвинуться в решении проблемы осознания факторов, оказавших влияние на личность, находящуюся в центре рассмотрения. Нам представляется, что рассмотрение читателем своего процесса чтения в качестве одного из средств для самопознания окажется продуктивным.

Выводы. На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам. Процесс чтения может выступать стимулом и одним из механизмов надления неартикулированных мыслей читателя словесной формой. Мы не утверждаем, что это происходит в любом случае, однако, возможность этой практики, по нашему убеждению, наличествует, и эта возможность возрастает, когда речь идет о чтении именно философской литературы. Философские тексты в значительной своей массе организованы таким образом, чтобы помочь читателю разобраться в себе и тех вопросах, которые для него важны.

Мы предлагаем следующую теоретическую модель интерпретации одной из возможных разновидностей процесса работы с философским текстом: читатель артикулирует свои собственные мысли, подбирая к ним словесные формы из читаемых философских текстов.

Мы полагаем, что обращение внимания на процессы, описываемые вышеуказанной теоретической моделью, откроет большие теоретические возможности. Осмысление данной разновидности процесса чтения философских текстов позволит получить ценный источник информации для самопознания. Тем более важный, что при самопознании методологические трудности понимания не играют столь существенную роль, как при интерпретации текстов других лиц. В частности, при самопознании можно далеко продвинуться и в осознании контекста высказывания той или иной мысли, и в учете факторов, которые оказали влияние на ее формирование.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Васильев А. (2015). Интертекстуальность. Прецедентные феномены. Москва: LitRes.
2. Гадамер Г.-Г. (2000). Истина і метод. Київ: Юніверс.
3. Мамардашвили М. (1995). Лекции о Прусте. Москва: Ad Marginem.
4. Ницше Ф. (1996). К генеалогии морали. Сочинения в двух томах. Том 2. 407 – 523. Москва: Мысль.
5. Фейербах Л. (1965). Сущность христианства. Москва: Мысль.
6. Хайдеггер М. (2006). Слова Ницше «Бог мертв». В Ницше и пустота. Москва: Алгоритм.
7. Шлейермахер Ф. (2004). Герменевтика. Санкт-Петербург: Европейский дом.
8. Carr T. K. (1996). Newman and Gadamer: toward a hermeneutics of religious knowledge. Oxford: Oxford University Press.
9. Fernández J. (2013). Self-deception and self-knowledge. Philosophical Studies 162 (2), 379–400.
10. Moore C. (2015). Socrates and Self-Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press.

11. Roessler J. (2013). The silence of self-knowledge. *Philosophical Explorations* 16 (1), 1–17.
12. Wittgenstein L. (2014). *Tractatus Logico-Philosophicus: German and English*. London: Routledge.

Стаття надійшла до редакції 05.08.2016

REFERENCES:

1. Vasil'ev A. (2015). Intertekstual'nost'. Precedentnye fenomeny [Intertextuality. Case phenomena]. Moskva: LitRes (in Russian).
2. Gadamer H.-G. (2000). *Istyna i metod* [Truth and Method]. Kyiv: Junivers (in Ukrainian).
3. Mamardashvili, M. (1995). *Lekcii o Pruste* [Lectures on Proust]. Moskva: Ad Marginem (in Russian).
4. Nietzsche F. (1996). K genealogii morali [On the Genealogy of Morality]. In *Sochinenija v dvuh tomah*. Vol. 2. 407 – 523. Moskva: Mysl' (in Russian).
5. Feuerbach L. (1965). *Sushhnost' hristianstva* [The Essence of Christianity]. – Moskva: Mysl' (in Russian).
6. Heidegger M. (2006). Slova Nietzsche 'Bog mjortv' [Nietzsche's words 'God is dead']. In *Nietzsche i pustota* [Nietzsche and void]. Moskva: Algoritm (in Russian).
7. Schleiermacher F. (2004). *Germevtika* [Hermeneutics]. Sankt-Peterburg: Evropejskij dom (in Russian).
8. Carr, T. K., (1996). *Newman and Gadamer: toward a hermeneutics of religious knowledge*. Oxford: Oxford University Press.
9. Fernández J. (2013). Self-deception and self-knowledge. *Philosophical Studies* 162 (2), 379–400.
10. Moore C. (2015). *Socrates and Self-Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Roessler J. (2013). The silence of self-knowledge. *Philosophical Explorations* 16 (1), 1–17.
12. Wittgenstein L. (2014). *Tractatus Logico-Philosophicus: German and English*. London: Routledge.

*Кулик Олександр Вікторович – доктор філософських наук, професор
Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара
Адреса: 49000, Дніпро, проєкт Гагаріна, 72*

*Kulik Oleksandr V. – doctor of philosophical sciences, Full Prof.
Oles Honchar Dnipropetrovsk national university
Address: 72, Gagarin Str., Dnepr, 51918, Ukraine
Email: al.v.kulik@gmail.com*

*Кулик Александр Викторович – доктор философских наук, профессор
Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара
Адрес: 49000, Днепр, проспект Гагарина, 72*